

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
 Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.112.2'367.625+811.161.1'367.625+811.222.1'367.625
 ББК Ш141.12-22+Ш143.24-22+Ш152.131.2-22

ГРНТИ 16.21.39; 16.21.43

Код ВАК 5.9.8

Фариза Зохиловна Саидова

Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Таджикистан, fssaidova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3360-9969>

Структурно-семантические особенности девербативных конструкций в системе разнотипных языков

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена сопоставительному анализу структурно-семантических особенностей предложений, в которых позиции подлежащего или дополнения занимают отглагольные процессуальные существительные (девербативы). Исследование проводится на материале разнотипных языков: немецкого, русского и таджикского. Эмпирическую базу исследования составила репрезентативная выборка контекстов, извлеченная из электронных национальных корпусов трех языков, что обеспечило достоверность и аутентичность анализируемого материала. Общий объем проанализированного материала составил более 1500 контекстуальных единиц, отобранных методом сплошной выборки по критерию наличия девербатива в позиции подлежащего или дополнения. Автор рассматривает данные конструкции как неизосемические модели, в которых лексическое значение процесса вступает во взаимодействие с категориальным значением синтаксической позиции. В работе выявляется влияние синтаксического статуса девербатива на семантическую организацию и коммуникативную функцию высказывания. Так, монопропозиционные предложения с девербативом-подлежащим представлены бытийными со значением существования или осуществления процесса или события и предложениями со значением характеристики процесса. Доказывается, что взаимодействие различных языковых аспектов при функционировании одной и той же лексической единицы в разных позициях является определяющим фактором в создании итогового смысла предложения. Несмотря на типологические различия немецкого, русского и таджикского языков, механизм взаимодействия формально-грамматического и семантического аспектов в неизосемических моделях демонстрирует общую закономерность: «свертывание» пропозиции в девербатив позволяет языковой системе более гибко и емко кодировать сложные смыслы. При этом специфика каждого языка проявляется в наборе морфосинтаксических средств, компенсирующих неизосемичность конструкции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: девербатив, отглагольное существительное, подлежащее, дополнение, неизосемичность, синтаксическая деривация, семантическая структура предложения, сопоставительное языкознание, немецкий язык, русский язык, таджикский язык, девербативные конструкции, контекстуальные единицы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Саидова Фариза Зохиловна, преподаватель немецкого языка, кафедра романогерманских языков, Российско-Таджикский (Славянский) университет, г. Душанбе, Республика Таджикистан, email: fssaidova@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Саидова, Ф. З. Структурно-семантические особенности девербативных конструкций в системе разнотипных языков / Ф. З. Саидова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 199-206.

Fariza Z. Saidova

Russian-Tajik Slavonic University, Dushanbe, Tajikistan, fssaidova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3360-9969>

Structural-Semantic Specificity of Deverbative Constructions in the System of Structurally Different Languages

ABSTRACT. The paper deals with a comparative analysis of the structural-semantic features of sentences in which verbal procedural nouns (deverbatives) occupy the positions of the subject or object. The study is conducted on the material of structurally different languages: German, Russian and Tajik. The empirical research corpus consists of a representative sample of contexts extracted from the electronic national corpora of three languages, which ensured the reliability and authenticity of the material under analysis. The total volume of the analyzed material amounts to more than 1,500 contextual units, selected via the continuous sampling method according to the criterion of the presence of a deverbative in the position of the subject or object. The author considers these constructions as non-isosemic models in which the lexical meaning of the process interacts with the categorial meaning of the syntactic position. The paper reveals the influence of the syntactic status of the deverbative on the semantic organization and communicative function of the utterance. Thus, monopropositional sentences with a deverbative subject are represented by existential sentences with the meaning of existence or implementation of a process or event and sentences with the meaning of characterization of a process. The study argues that the interaction between different linguistic aspects in sentences, in which the same lexical unit functions in different syntactic positions, is a determining factor in creating the final meaning of the sentence. Despite the typological differences between German, Russian, and Tajik, the mechanism of interaction between the formal-grammatical and semantic aspects in non-isosemic models demonstrates a common pattern: the “folding” of a proposition into a deverbative allows the language system to encode complex meanings more flexibly and succinctly. At the same time, the specificity of each language is manifested in a set of morphosyntactic means that compensate for the non-isosemic nature of the construction.

KEYWORDS: *deverbative, verbal noun, subject, object, non-isosemic nature, syntactic derivation, semantic structure of the sentence, comparative linguistics, German language, Russian language, Tajik language, deverbative constructions, contextual units.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Saidova Fariza Zokhirovna, Senior Lecturer of German Language, Department of Romance and Germanic Languages, Russian-Tajik Slavonic University, Dushanbe, Tajikistan, email: fssaidova@mail.ru.*

FOR CITATION: *Saidova F. Z. (2026). Structural-Semantic Specificity of Deverbative Constructions in the System of Structurally Different Languages. In Political Linguistics. No 3 (117), pp. 199-206. (In Russ.).*

Теоретико-методологическая база исследования статьи сформирована на основе синтеза классических и современных концепций в области общего, сопоставительного и частного языкознания. В основу работы легли следующие научные подходы.

Исследование опирается на положения о многомерности синтаксической структуры, разработанные В. А. Белошапковой [Белошапкова 1977], и теорию семантической структуры предложения И. П. Сусова [Сусов 1973]. Важное значение для анализа «смысла» высказывания имеют идеи В. М. Солнцева [Солнцев 1976] о глубинных структурах и порождении смысла, а также подход Н. Н. Арват [Арват 1975] к изучению лексического наполнения структурных схем предложения, что позволяет связать лексическую семантику девербатива с его синтаксической ролью. Методология сравнительного анализа немецкого и русского языков базируется на трудах Б. А. Абрамова [Абрамов 1999], в которых заложены принципы сопоставительной типологии грамматических систем. Теоретический фундамент описания немецкого языка составили работы Г. Хельбига и Й. Буши [Helbig, Buscha 1976] (функциональная грамматика), а также исследования В. Хартунга [Hartung 1971] в области грамматики немецкого предложения.

Современный взгляд на эволюцию и типологию номинализаций (девербативов) представлен концепцией Ст. Хартманна [Hartmann 2014], рассматривающего диахронические изменения моделей номинализации.

Базовым компонентом исследования таджикского материала послужили труды Ш. Рустамова [Рустамов 1972], определившие систему морфологических категорий имени существительного и закономерности словообразования в таджикском языке. Терминологический и деривационный анализ дополняется работами С. Хоркашева [Хоркашев 2010] и У. Сулаймона [Сулаймон 2006], посвященными вопросам калимасози (словообразования) и лингвистической терминологии. В качестве эмпирического материала и примеров узкоспециальной лексики учтены исследования Р. Сангиновой [Сангинова 2005].

Таким образом, использование комплексного подхода, сочетающего методы

семантического, структурного и сопоставительного анализа, позволило автору детально изучить функционирование девербативов в трех разнотипных языковых системах.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическую базу исследования составила репрезентативная выборка контекстов, извлеченная из электронных национальных корпусов трех языков, что обеспечило достоверность и аутентичность анализируемого материала. В частности, источниками послужили:

– Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru/>) — использовался для анализа функционирования отглагольных имен в различных функциональных стилях современного русского языка, включая художественные, публицистические и научные тексты;

– Национальный корпус таджикского языка (<http://tajik-corpus.org/>) — послужил основным источником примеров современного таджикского литературного языка, позволив выявить специфику синтаксического употребления девербативов в таджикской лингвистической традиции;

– Мангеймский корпус немецкого языка (Deutsches Referenzkorpus — DeReKo), базирующийся в Институте немецкого языка (IDS Mannheim, <http://www.ids-mannheim.de/>) — крупнейшее собрание текстов, на материале которого исследовались особенности синтаксической деривации и функционирования имен действия в немецком языке.

Общий объем проанализированного материала составил более 1500 контекстуальных единиц, отобранных методом сплошной выборки по критерию наличия девербатива в позиции подлежащего или дополнения.

В данной статье рассматриваются предложения в немецком, русском и таджикском языках, в которых девербативы (имена существительные, образованные от глаголов) выполняют функции подлежащего и дополнения. Анализируются структурные особенности данных предложений, их семантика и синтаксические связи.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что проблемы лингвистики текста выдвинулись в настоящее вре-

мя на передний план, предложение продолжает оставаться главным объектом лингвистической теории. Признание предложения сложной, многоаспектной единицей обусловило правомерность разных подходов к изучению предложения, каждый из которых оказался достаточно плодотворным. Выделение отдельных уровней (аспектов) предложения — формально-структурного, семантического, коммуникативного — и изучение предложения в одном из этих аспектов позволили глубже проникнуть в сущность предложения, осознать исключительную сложность этой единицы.

В настоящее время перед лингвистами встала новая задача вскрыть процессы взаимодействия уровней (аспектов) предложения в создании смысла предложения, его семантического содержания, включающего когнитивный и коммуникативный компоненты. От указаний на необходимость синтезирующего описания предложения современная лингвистика перешла к решению этой задачи. Появились общетеоретические работы, в которых рассматривается вопрос о соотношении семантической и формальной сторон предложения [Абрамов 1999: 23; Арват 1975: 15], членов предложения и семантических актантов [Солнцев 1976: 45]. Вместе с тем значительный интерес представляет анализ конкретных разновидностей соотношения между формально-грамматическим и семантическим аспектами предложения.

В настоящей работе взаимодействие формально-грамматического и семантического аспектов рассматривается на примере предложений, в которых в качестве подлежащего или в качестве дополнения выступают отглагольные процессуальные существительные. В таких предложениях девербатив, сохраняя процессуальное значение глагола, занимает вследствие синтаксической деривации позиции, присущие существительным с конкретно-предметным значением. Модель таких предложений является неизосемической, так как в них категориально-семантическое значение лексических единиц не соответствует категориальному значению синтаксических позиций, которые они занимают. Благодаря неизосемичности взаимодействие разных аспектов в подобных предложениях проявляется более выпукло, ярко, чем в изосемических моделях, где уровни изоморфно соотнесены.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

При сопоставлении предложений с девербативом-подлежащим и девербативом-дополнением исходными для нас являются

два момента: различие синтаксических позиций и одинаковость категориально-лексического значения языковых единиц при их заполнении. При таком ракурсе рассмотрения мы имеем возможность выявить, как взаимодействуют различные языковые средства при отражении неязыкового содержания, как позиция девербатива влияет на семантическую структуру предложения, как взаимодействие различных аспектов при функционировании одной и той же лексической единицы в предложении — ее синтаксический статус, ее роль в семантической организации предложения, а также ее коммуникативная функция — влияют на структуру и семантическую организацию предложения в целом, а в конечном итоге на создание смысла предложения.

Отсутствие изосемии между синтаксической и семантической структурами предложения и, соответственно, между семантической ролью и синтаксическим статусом лексической единицы в предложении делает необходимым описание данных структур в терминах компонентов, специфичных для каждого из аспектов. Так, понятие синтаксической позиции [Сусов 1973: 23] позволяет определять члены предложения только на основании собственно синтаксических критериев (функциональных и дистрибутивных), независимо от роли, выполняемой в семантической структуре предложения [Белошапкина 1977: 132]. Семантическая структура предложения, а также семантическая роль его компонентов интерпретируются в терминах семантических компонентов предложения. Данные два ряда терминов используются нами при интерпретации предложений с девербативом в позиции подлежащего и в позиции дополнения.

Предикатная (пропозитивная) семантика девербатива обуславливает наличие общих черт, присущих как предложениям с девербативом-подлежащим, так и предложениям с девербативом-дополнением. Для тех и других характерно семантическое усложнение формально простой структуры, наличие сдвига между семантической и синтаксической структурами, а также семантические ограничения на лексическое заполнение остальных синтаксических позиций предложения. Однако предложения с девербативом-подлежащим и девербативом-дополнением существенно различаются как по своей общей семантике, так и по характеру и степени сдвига между его семантической и синтаксической структурами.

Покажем это различие на примере монопропозитивных предложений. Под монопропозитивными предложениями мы понимаем

предложения, в семантическую структуру которых входит только одна пропозиция и, следовательно, только один семантический предикат. Единственным семантическим предикатом, представляющим собой ядро пропозиции, в данных монопропозитивных предложениях выступает девербатив.

Одно из существенных различий анализируемых структур состоит в различии видов предложений, в состав которых может входить девербатив-подлежащее и девербатив-дополнение. Монопропозитивные предложения с девербативом-подлежащим представлены следующими основными семантическими видами предложений: *бытийными со значением бытия или осуществления процесса или события и предложениями со значением характеристики процесса* в их многочисленных разновидностях. В синтаксической структуре бытийных предложений сказуемое всегда является простым глагольным, в то время как для синтаксической структуры предложений со значением характеристики более типичным является составное именное сказуемое, хотя возможно и глагольное. Рассмотрим подробнее каждый из названных видов предложений с девербативом-подлежащим в немецком и русском языках.

Материал для исследования был выбран из произведений художественной литературы и периодических изданий на немецком и русском языках.

В бытийных предложениях утверждается осуществление процесса или события, как правило, в связи с его локализацией в пространстве и/или времени.

Например:

Wieder Schüsse in Serbien: Mindestens acht Tote — Polizei fasst Täter. — В Сербии снова произошла стрельба: по меньшей мере восемь человек погибли — полиция задержала преступников [Мангеймский корпус].

Данное предложение является бытийным в соответствии с предложенным определением, поскольку оно утверждает осуществление события (стрельбы) в определенном месте (Сербии). Однако это нетипичный пример бытийного предложения, характеризующийся высокой информационной насыщенностью и использованием специфических синтаксических средств для объединения нескольких связанных сообщений.

Nach dem Angriff mit acht Toten nahe Belgrad hat die Polizei den mutmaßlichen Täter festgenommen. Die Festnahme erfolgte in der Stadt Kragujevac in Zentralserbien rund 100 Kilometer vom Tatort entfernt, wie das staatliche Fernsehen RTS und die staatliche Nach-

richtenagentur Tanjug unter Berufung auf eigene Quellen am Freitagmorgen berichteten. — После нападения, в результате которого восемь человек погибли недалеко от Белграда, полиция задержала предполагаемого преступника [Мангеймский корпус].

В данном фрагменте текста на немецком языке отглагольными существительными (ОГС) являются: *Angriff* (нападение) — образовано от глагола *angreifen* (нападать). Хотя суффикса как такового нет, можно считать, что это слово образовано путем усечения основы глагола, и оно стало существительным. *Festnahme* (арест, задержание) — образовано от глагола *festnehmen* (арестовывать, задерживать). Здесь используется словосложение: *fest* (твердый, крепкий) + *Nahme* (взятие). *Nahme* является отглагольным существительным от *nehmen* (брать).

В русском переводе отглагольным существительным является только одно слово: *нападения* (в «После нападения...») — образовано от глагола *нападать* с помощью суффикса *-ени(я)-*.

В немецком языке отглагольные существительные часто образуются путем добавления приставок и суффиксов к глагольным основам, но в некоторых случаях (как с *Angriff*) происходит усечение основы.

В русском переводе не всегда удается сохранить отглагольные существительные из оригинала, так как в русском языке могут использоваться другие синтаксические конструкции для передачи того же смысла.

Der Mann, der am Donnerstagabend auf eine Gruppe Menschen nahe Belgrad geschossen hatte, ist auf der Flucht. In früheren Meldungen hatte es geheißen, dass der Täter von der Polizei ausfindig gemacht und umstellt worden sei. Mit einem Großaufgebot fahndet die Polizei in Serbien nach dem 21-jährigen Täter, der in einem Dorf acht Menschen getötet hat. — Мужчина, который в четверг вечером застрелил группу людей недалеко от Белграда, находится в бегах. В предыдущих сообщениях говорилось, что преступник был обнаружен полицией и окружен. Полиция Сербии проводит расследование в отношении 21-летнего преступника, который убил восемь человек в деревне [Мангеймский корпус].

В данном фрагменте текста на немецком языке отглагольными существительными (ОГС) является: *Flucht* (бегство, побег) — образовано от глагола *fliehen* (бежать, спасаться бегством).

В русском переводе отглагольных существительных нет.

Flucht: *Der Mann, der am Donnerstagabend auf eine Gruppe Menschen nahe Bel-*

grad geschossen hatte, ist auf der Flucht. — Мужчина, который в четверг вечером застрелил группу людей недалеко от Белграда, находится в бегах [Мангеймский корпус].

Flucht обозначает состояние или процесс бегства; образовано от глагола *fliehen*. Другие слова, такие как *Meldungen* (сообщения), хотя и связаны с глаголом *melden* (сообщать), обозначают результат действия, а не сам процесс. Поэтому мы не включаем их в список ОГС. Слово *Großaufgebot* (большое количество сил), хотя и состоит из частей, которые могут быть связаны с глаголами, само по себе является сложным существительным, обозначающим предмет, а не процесс (*aufbieten* — *созывать, выставлять*).

Таким образом, в данном фрагменте текста только одно слово является отглагольным существительным: *Flucht*.

Ниже представлены примеры предложений с отглагольными существительными (ОГС), которые утверждают осуществление процесса или события, с локализацией в пространстве и/или времени в русском языке. Примеры взяты из художественной литературы и СМИ, и каждый из них будет проанализирован в соответствии с указанными критериями.

Пример 1: *В саду началось цветение яблонь, и воздух наполнился сладким ароматом* [НКРЯ]. ОГС: цветение (от *цвести*). Подтверждается факт осуществления процесса цветения. Локализация в пространстве: *В саду* (указание места, где происходит цветение). Локализация во времени: неявная, но подразумевается настоящее время (*началось*). Предложение полностью соответствует критериям бытийного, поскольку констатирует факт цветения, локализованный в определенном месте.

Пример 2: *В его душе происходила мучительная борьба между долгом и желанием* [НКРЯ]. ОГС: борьба (от *бороться*). Подтверждается факт осуществления процесса борьбы. Локализация в пространстве: *В его душе* (внутреннее пространство). Локализация во времени: неявная, но подразумевается продолжительное время (происходила). Предложение соответствует критериям бытийного, поскольку утверждает наличие внутреннего процесса, локализованного в сознании персонажа.

Пример 3: (СМИ): *В регионе продолжается активное строительство новых жилых комплексов* [НКРЯ]. ОГС: строительство (от *строить*). Подтверждается факт осуществления процесса строительства. Локализация в пространстве: *В регионе* (указание места, где происходит строительство).

Локализация во времени: *продолжается* (указание на длительность процесса). Предложение соответствует критериям бытийного, поскольку сообщает о текущем процессе строительства, локализованном в определенном регионе.

Приведенные примеры из художественной литературы и СМИ на немецком и русском языках демонстрируют, что отглагольные существительные часто используются в бытийных предложениях для утверждения осуществления процессов или событий, с указанием на их локализацию в пространстве и/или времени. Это позволяет авторам кратко и эффективно передавать информацию о происходящих изменениях, событиях и состояниях.

Предложения с ОГС в обоих типах текстов выполняют функцию констатации факта, но в художественной литературе акцент делается на создании образа и передаче эмоционального состояния, а в СМИ — на точной и оперативной передаче информации о событиях и явлениях.

Рассмотрим бытийные предложения на материале таджикского языка. Следующее предложение: «*Дар куча кудакон бозӣ доранд*» [НКТЯ] — является характерным образцом бытийного предложения в таджикском языке, утверждающего факт осуществления процесса или события в определенном пространственно-временном контексте.

Элемент *Дар куча* (на улице) представляет собой обстоятельство места, выраженное предложной конструкцией (*дар* — предлог места + *куча* — существительное «улица»). Этот элемент выполняет функцию локализатора, четко указывая на место, где происходит событие. Его наличие является ключевым для бытийных предложений, поскольку бытие чего-либо или осуществление процесса часто мыслится как привязанное к определенному месту или времени.

Глагольная конструкция *бозӣ доранд* (играют) описывает осуществляющийся процесс. Здесь *бозӣ* (игра) — отглагольное существительное, обозначающее действие, а *доранд* (имеют, обладают) — вспомогательный глагол, который в сочетании с отглагольным существительным формирует аналитическое сказуемое, обозначающее длительное или повторяющееся действие. Именно эта конструкция утверждает сам факт осуществления процесса. *Кудакон* (дети) — это субъект, который является носителем данного процесса, непосредственно участвующим в его осуществлении.

Семантическая и синтаксическая структура характерна для бытийного предложения. Утверждение бытия/осуществления —

основная функция этого предложения — не описание качеств детей или улицы, а констатация факта того, что процесс игры происходит, и его локализации. Зачастую, как и в данном примере, локализатор (*дар кӯча*) вынесен в начало предложения, выполняя функцию темы (известной информации или контекста), на фоне которой утверждается новое (рематическое) сообщение о происходящем. *Доштан* как маркер бытия/наличия: вспомогательный глагол *доштан* (иметь) в таджикском языке часто используется в бытийных конструкциях для выражения наличия чего-либо или осуществления процесса, что функционально сближает его с глаголом «быть» в других языках, но с оттенком «обладания» или «имения» данного состояния/действия.

Предложение *Дар кӯча кӯдакон бозӣ доранд* наглядно иллюстрирует модель бытийного предложения в таджикском языке, где утверждается осуществление процесса (*бозӣ доранд*) субъектом (*кӯдакон*) в конкретной пространственной локализации (*дар кӯча*). Это подтверждает, что в таджикском языке бытийные конструкции активно используют средства локализации и глаголы наличия/обладания для выражения факта существования или совершения события.

Пример из СМИ.

Дар вилояти Суғд якчанд ҳодисаи ғайриқонунӣ ба қайд гирифта шуд. — В Согдийской области было зарегистрировано несколько противоправных происшествий/инцидентов [НКТА].

Данное предложение: *Дар вилояти Суғд якчанд ҳодисаи ғайриқонунӣ ба қайд гирифта шуд* — является ярким примером бытийного предложения, характерного для информационных сообщений в таджикских СМИ. Оно утверждает факт осуществления события (регистрация инцидентов) или существования ситуации (наличие инцидентов) в определенной пространственной локализации.

Элемент *Дар вилояти Суғд* (в Согдийской области) представляет собой обстоятельство места, выраженное предложной конструкцией (*дар* — предлог «в» + *вилояти Суғд* — имя собственное «Согдийская область»). Этот компонент функционирует как локализатор, четко определяя пространственные рамки, в которых утверждается бытие или осуществление события. В новостном дискурсе он часто выносится в начало предложения, выполняя роль темы или заданной информации, на фоне которой сообщается о новом событии.

Основное событие представлено именной группой *якчанд ҳодисаи ғайриқонунӣ* (несколько незаконных происшествий/инци-

дентов). Это является тем, что «было» или «зарегистрировалось». Предикативная группа *ба қайд гирифта шуд* (*было зарегистрировано*) выражает сам факт осуществления процесса регистрации или констатации наличия событий. Глагол *гирифта шуд* — это форма пассивного залога от *гирифтан* (*брать*), усиленная *шудан* (*становиться/быть*), что означает «быть взятым на учет», «быть зарегистрированным». Именно эта конструкция утверждает бытие или осуществление указанных событий.

Центральная функция этого предложения — констатация факта происшествий и их регистрации, а не описание их деталей или характеристик. Фокус делается на самом наличии и факте регистрации этих событий. Хотя глагол стоит в пассивной форме, подразумевается, что регистрация произведена соответствующими органами (полицией, прокуратурой), но сам агент эксплицитно не называется, что типично для новостного стиля, где важен сам факт, а не его непосредственный исполнитель. В СМИ локализатор часто является ключевым для ориентирования читателя/слушателя, неся значительную информативную нагрузку и служа как тематическая рамка для последующего рематического сообщения о событии.

Данный пример из таджикских СМИ наглядно иллюстрирует, как бытийные предложения утверждают осуществление событий (*якчанд ҳодисаи ғайриқонунӣ*) через констатацию их факта (*ба қайд гирифта шуд*) в конкретной пространственной локализации (*Дар вилояти Суғд*). Это подчеркивает роль бытийных конструкций в информационном дискурсе для передачи фактических данных о происходящих явлениях, привязанных к пространственно-временным координатам.

Бытийные предложения наиболее отчетливо демонстрируют несоответствие семантической и синтаксической структур. Семантически одночленная структура таких предложений представлена в формально-грамматической структуре двумя синтаксическими позициями: семантический предикат, обозначающий процесс, является подлежащим, а в позиции сказуемого выступает глагол, который в лингвистической литературе характеризуется как глагол-предикатор, так как его функция состоит в предикации «опредмеченного» действия, т. е. в выражении временных и модальных значений. Однако глагол-предикатор не функционирует исключительно как грамматическое средство оформления предикативности, о чем свидетельствует отсутствие делексикализованных глаголов, которые специализировались бы в этой функции.

ВЫВОДЫ

Проведенный сопоставительный анализ предложений с девербативом в позициях подлежащего и дополнения в немецком, русском и таджикском языках позволяет сделать следующие выводы.

Установлено, что использование отглагольных процессуальных существительных в роли главных или второстепенных членов предложения порождает неизосемические модели. В таких структурах наблюдается преднамеренный разрыв между динамическим категориально-лексическим значением девербатива (процесс) и статичным категориальным значением синтаксической позиции (предметность).

Доказано, что синтаксический статус девербатива (субъект или объект) является определяющим фактором в формировании семантической структуры высказывания. Позиция подлежащего в сопоставляемых языках способствует актуализации событийного компонента как логического субъекта, в то время как позиция дополнения смещает акцент на объектную детерминацию действия, что существенным образом влияет на коммуникативную организацию предложения.

Несмотря на типологические различия немецкого, русского и таджикского языков, механизм взаимодействия формально-грамматического и семантического аспектов в неизосемических моделях демонстрирует общую закономерность: «свертывание» пропозиции в девербатив позволяет языковой системе более гибко и емко кодировать сложные смыслы. При этом специфика каждого языка проявляется в наборе морфосинтаксических средств, компенсирующих неизосемичность конструкции.

Взаимодействие различных языковых уровней при функционировании одной и той же лексической единицы в разных позициях служит мощным инструментом создания смысла предложения. Это доказывает, что смысл высказывания не является простой суммой значений его компонентов, а возникает в результате сложного взаимодействия лексической семантики девербатива, его синтаксической функции и коммуникативной значимости.

ИСТОЧНИКИ

1. Национальный корпус русского языка. — URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.10.2025).
2. Национальный корпус таджикского языка. — URL: <http://tajik-corpus.org/> (дата обращения: 10.03.2025).
3. Мангеймский корпус немецкого языка. — URL: <http://www.ids-mannheim.de/> (дата обращения: 05.10.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамов, Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка: сопоставительная типология немецкого и русского

языков / Б. А. Абрамов. — Москва : Владос, 1999. — 286 с. — ISBN 5-691-00333-X.

2. Арват, Н. Н. Об аспекте лексического наполнения структурной схемы предложения / Н. Н. Арват // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. — Ленинград : Наука, 1975.

3. Белошапкина, В. А. Современный русский язык. Синтаксис / В. А. Белошапкина. — Москва : Высшая школа, 1977. — 248 с.

4. Маджидов, Х. Архаичные элементы в структуре слов и устойчивых сочетаний таджикского языка / Х. Маджидов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. — 2017. — № 4-1. — С. 3–13. — EDN ZAXYXZ.

5. Солнцев, В. М. К вопросу о глубинной структуре и порождении смысла предложения / В. М. Солнцев // Теория языка. Ангlistика. Кельтология. — Москва : Наука, 1976. — С. 114–125.

6. Сусов, И. П. Семантическая структура предложения / И. П. Сусов. — Тула : Тульск. гос. пед. ин-т, 1973. — 141 с.

7. Рустамов, Ш. Исм (категорияҳои грамматикӣ, калимасозӣ ва мавқеи ИСМ дар системаи ҳассаҳои нутқ) / Ш. Рустамов ; Академияи Фанҳои РСС Тоҷикистон. — Душанбе : Дониш, 1981. — 218 с.

8. Рустамов, Ш. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Ш. Рустамов. — Душанбе : Дониш, 1972. — 80 с.

9. Сангинова Р. Истилохоти соҳаи богдорӣ дар лаҳҷаи Конибодом = Садоводческие термины в канибадамском говоре таджикского языка / Р. Сангинова // Суханвар (мачмуи илмӣ) = Научный сборник / кафедра таджикского языка ТГПУ им. Садриддина Айни. — Душанбе, 2005. — С. 98–105.

10. Сулаймон, У. Фарҳанги истилохоти забоншиносӣ / У. Сулаймон. — Душанбе, 2006. — 67 с.

11. Хоркашев, С. Истилохоти калимасозӣ / С. Хоркашев. — Душанбе : Дониш, 2010.

12. Hartmann, S. The diachronic change of German nominalization patterns: An increase in prototypicality / Stefan Hartmann // Selected Papers from the 4th UK Cognitive Linguistics Conference. — 2014. — P. 52–171.

13. Hartung, W. *Studia grammatica. Die Zusammengesetzten Sätze des Deutschen* / W. Hartung. — Berlin, 1971. — 221 S.

14. Helbig, G. *Kurze deutsche Grammatik für Ausländer* / G. Helbig, J. Buscha. — Leipzig : Enzyklopaedie, 1976.

MATERIALS

1. National Corpus of the Russian Language (n.d.). Available at Oct. 20, 2025 from <https://ruscorpora.ru/>.

2. National Corpus of the Tajik Language (n.d.). Available at March 10, 2025 from <http://tajik-corpus.org/>.

3. Mannheim Corpus of the German Language (n.d.). Available at Oct. 5, 2025 from <http://www.ids-mannheim.de/>.

REFERENCES

1. Abramov, B. A. (1999). *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka: Sopostavitel'naya tipologiya nemetskogo i russkogo yazykov* = Theoretical grammar of the German language: Comparative typology of German and Russian languages. Moscow: Flinta, 123 p.

2. Arvat, N. N. (1975). *Ob aspekte leksicheskogo napolneniya strukturnoj skhemy predlozheniya* = On the aspect of lexical content of the structural scheme of a sentence. In: *Theoretical problems of syntax of modern Indo-European languages*. Leningrad: Science.

3. Beloshapkova, V. A. (1977). *Sovremennyy russkij yazyk. Sintaksis* = Modern Russian language. Syntax. Moscow: Higher School, 248 p.

4. Madzhidov, H. (2017). *Arhaichnye elementy v strukture slov i ustojchivyh sochetanij tadjzhikskogo yazyka* = Archaic elements in the structure of words and stable combinations of the Tajik language. *Bulletin of Tajik National University. Series of Philological Sciences*, 3, 3–13.

5. Solncev, V. M. (1976). *K voprosu o glubinoj strukture i porozhdenii smysla predlozheniya* = On the issue of the deep structure and generation of the meaning of a sentence. *Theory of Language. English studies. Celtology*, 114–125.

6. Susov, I. P. (1973). *Semanticheskaya struktura predlozhe-*

niya = Semantic structure of a sentence. Tula, 141 p.

7. Rustamov, Sh. (1981). *Ism* = Noun. Dushanbe: Donish.

8. Rustamov, Sh. (1972). *Kalimasozii ism dar zaboni adabii hozirai tojik* = Noun formation in the modern Tajik literary language. Dushanbe: Donish, 80 p.

9. Sanginova, R. (2005). *Istilohoti sohai bogdorj dar lahchai Konibodom* = In horticulture, horticultural terms are found in Konibadamsky lakhche. *Speaker (scientific collection)*, 98–105. Dushanbe.

10. Sulajmon, U. (2006). *Farhangi istilohoti zabonshinosj* = Culture of linguistic terms. Dushanbe, 67 p.

11. Horkashev, S. (2010). *Istilohoti kalimasozj* = Word formation of terms. Dushanbe: Donish, 2010.

12. Hartmann, St. (2014). The diachronic change of German nominalization patterns. An increase in prototypicality. *Selected Papers from the 4th UK Cognitive Linguistics Conference*, 52–171.

13. Hartung, W. (1971). *Studia Grammatica. Die zusammengesetzten Sätze des Deutschen*. Berlin, 221 S.

14. Helbig, G., Buscha, J. (1976). *Kurze deutsche Grammatik für Ausländer*. — Leipzig: Enzyklopaedie.